

ИГОРЬ БУТМАН:

Культура. - 2003. - 26 июня - 2 июля. - С. 16

914

Джаз загнали в угол сами джазмены

Один из наиболее авторитетных в нашей стране джазовых музыкантов — саксофонист и бэнд-лидер **Игорь БУТМАН** впервые выпустил диск на звукозаписывающем лейбле международного значения: компания "Universal Music Russia" издала альбом "Prophecy" ("Пророчество"), записанный квинтетом Бутмана в США. Пристально следящие за процессом освоения нашими исполнителями международного музыкального пространства понимают, что, старорежимно выражаясь, значение этого факта трудно переоценить. Во-первых, никогда еще российский джазмен не записывался на "Universal". Во-вторых, никогда еще российский джазмен не проводил презентацию своего диска в одном из нью-йоркских джаз-клубов, труднодоступных даже для местных артистов — в "Birdland". Дружбой и совместными проектами с монстрами мирового джаза Игорь известен давно (в частности, плоды этой дружбы мы частенько вкушаем в джаз-клубе Бутмана "Le Club" на Таганке). Если сюда же добавить тот факт, что биг-бэнду Игоря Бутмана предстоит открывать в сентябре джазовый сезон "Линкольн-центра" в Нью-Йорке совместно с "Lincoln Center Jazz Orchestra" Уинтона Марсалиса, можно констатировать следующее: Бутман — именно тот российский джазмен, которому удалось, оставшись на родине, доказать миру и особенно носителям традиции, что может собственных колтрейнов, роллинзов и коулменов российская земля рождать. (Менеджеры "Universal" успехи Бутмана на международной арене называют "прорывом блокады".) Перед московской презентацией исторической пластинки Игорь Бутман встретился с корреспондентом газеты "Культура".

— Игорь, у меня в руках диск "Пророчество", выпущенный в 2002 году под маркой "IMB Production". И его содержание совпадает с трек-листом диска "Prophecy" вышедшего на "Universal". Но прежний выпуск, как оказалось, даже отсутствует в вашей дискографии на официальном сайте. Что же то был за релиз?

— Этот диск мы с пианистом Антоном Барониным, контрабасистом Виталием Соломоновым, барабанщиком Эдуардом Зизаком и моим братом Олегом Бутманом записали в "Orange Music Studio" в Нью-Джерси. Записали быстро, как говорится, "с одного тейка". Потом сами решили запустить диск в производство, никого не прося о помощи. Вышел он небольшим тиражом — всего 300 — 400 экземпляров, которые мы быстро распродали, оправдав какие-то минимальные расходы, а часть просто раздарили. Буквально в то же время мы встретились с представителями компании "Universal", которые изъявили желание выпустить что-нибудь Игоря Бутмана, в частности, с Борисом Ивашкевичем. И из всех альбомов и записей, сделанных нами ранее, был избран именно альбом "Пророчество". И поскольку договоренность с "Universal" уже была, мы тот "самиздат" не рекламировали. Я всегда бываю недоволен записью, мне все кажется, что можно было бы сыграть лучше. А послушав этот диск через какое-то время, я просто обалдел от того, как здорово мы играем. И на сегодняшний день это мой любимый альбом.

— Говорят, в своем отечестве пророка нет. А вы, получается, пророчите. О чем?

— Песню "Пророчество", давшую название альбому, я сочинил на слова стихотворения "Пророчество" Иосифа Бродского для спектакля Михаила Козакова "Играем Стриндберг-близ". Там ее поет героиня спектакля Алиссон (актриса Юлия Рутберг) своему супругу: "Мы будем жить с тобой на берегу, отгородив-

шись высоченной дамбой..." О любви, о жизни.

— Вот еще одна ваша пьеса, с показательным названием — "Джазофрения", как и ваша телепередача. Что это значит?

— "Френус" по-латыни — душа. "Шизофрения" — большая душа. "Джазофрения" — джазовая душа.

— Композиция "Египетские ночи" как-то связана с Пушкиным?

— Нет, просто я написал эту вещь в Египте. Правда, днем. Подумав, решил, что "Египетский день" — не звучит. Видимо, тут на помощь пришел классик.

— А как родился "Russian Dance Blues"?

— Это парафраза на тему русского народного наигрыша "Барыня", в тему которого в пятом такте вместо бекара я добавил бемоль — "blue note", и получился блюз.

— На диске представлен клип на "Вокализ" Рахманинова, который вы исполнили с "Солистами Москвы" под управлением Юрия Башмета. Вот ваш коллега Алексей Козлов начал тесно сотрудничать с академистами, чтобы, как он говорит, вернуть импровизацию в классическую музыку. А почему вы взяли за классиков?

— К классике меня впервые подтолкнул мой друг, композитор Игорь Райхельсон, который написал пьесу для саксофона, альты, фортепиано и оркестра. Мы играли ее с Юрием Башметом (на альте), его "Солистами", Райхельсоном за фортепиано. Потом Михаил Козаков в спектакле "Концерт для голоса и саксофона", в котором играем мы с ним вдвоем, решил использовать музыку Рахманинова. Этот спектакль, кстати, Козаков начал делать с Козловым — так что он был первым, кто начал альянсы с классикой.

— Вообще, мне не очень нравится так называемый стиль киномузыки, где играет саксофон и много струнных. Мне хотелось бы играть, например, что-то из Стравинского или Шостаковича. То есть современную музыку, где есть не только красота, но и

И. Бутман

виртуозность, конфликтность, драма. А не просто 125 скрипок, играющих одну ноту или тянущих один аккорд, на котором ты импровизируешь. Поэтому мы будем продолжать работать и с Игорем Райхельсоном, и я сам хотел бы что-то такое написать для саксофона с симфоническим оркестром, где много места уделяется именно импровизации.

— А из шедевров классики что еще возьмете?

— Там настолько все гениально написано, что где вставить импровизацию — очень сложный вопрос. Просто взять тему Шостаковича и на нее импровизировать — большого ума не надо. Надо найти что-то иное. Например, у Глазунова есть Концерт для альт-саксофона, и вот там я практически не импровизирую. Правда, есть каденция. И все вариации практически джазовые. Если их еще и играть джазовым языком, то

они будут выглядеть как настоящие джазовые импровизации.

— Диск "Prophecy" посвящен 300-летию Санкт-Петербурга. Это дань моде или порыв души?

— И то, и другое. У меня очень много связано с этим городом. Я родом из Питера, там живут мои учителя — Геннадий Юльштейн, Давид Глоцкий, которым я многим обязан и очень благодарен. И часть интеллигентности во мне, которая не вы-

жжена еще московской жизнью, — тоже оттуда. Вообще этому городу можно посвящать каждый диск. Кстати, клип на композицию "Ностальгия" (суперхит, "визитная карточка" Бутмана. — Т.Д.), также включенный в диск, снимался в Петербурге.

— Перед новым годом вы с квинтетом выпустили подарочный альбом джазовых обработок мелодий из отечественных мультфильмов и кинофильмов — "Бременские музыканты"; "Ну, погоди!"; "Умка"; "Гостья из будущего" и т.д. Одна из них вошла в "Prophecy", но не хотите ли вы весь диск переиздать на "Universal"?

— Его надо обязательно переиздать и издать. Мы выпустили его для друзей, записали за ночь. Сидели такие расслабленные, и нам было настолько все равно, что вышло очень хорошо. Потом, правда, послушали и заметили несколько не очень удачных мест, которые надо было бы переделать. Пойти в студию, поработать над аранжировкой. А еще лучше, если бы эти вещи сыграли и записали, например, Херби Ханкок, Джек Диджонетт, другие звезды американского джаза...

— Им надо сначала показать эти мультики...

— Нет, им надо просто дать денег. Или показать мультики, но прийти уже с деньгами. К счастью, все определяется финансами, и это так хорошо! Никто никому ничего не должен! Если все получится, диск произведет фурор. Да он уже произвел фурор! Например, Айра Гитлер, известный американский джазовед, когда услышал "Чунга-чангу", пришел в восторг и сказал мне: "Так ты никогда не играл!" А он никогда ничего просто так не скажет. Потом, кстати, оказалось, что об этом диске уже знают в "Universal", а ведь о его существовании знали совсем немногие. Даже у меня нет собственного экземпляра! В общем, если появится возможность записать его со звездами, мы это обязательно сделаем.

— Да, это был бы бестселлер.

— На 100 процентов!

— Игорь, у вас есть свой клуб, свой биг-бэнд, свой квинтет, гастроли, записи, постоянные концерты. Есть дом, семья. Чего же вам не хватает? Только не говорите, что времени — это ясно.

— Мне хочется немного больше усидчивости для себя, хотя... Да нет, всего хватает!

— Вашей телепрограмме "Джазофрения" скоро исполняется 5 лет. И за эти годы в ней побывали самые разные гости. Как вы объясните, например, появление в передаче людей, которые не только не имеют отношения к джазу и не могут ничего о нем сказать, но и открыто заявляют с экрана, что не любят джаз и знают о нем ничего не хотят?

— Вы это про Боярского? Мне тут уже написали... Потом я позвонил нашему режиссеру Григорию Шестакову, сказал, что люди возмущаются, мол, как вы такое допускаете. А он ответил, что это была самая рейтинговая передача! Вот и все.

— Как ни печально, но брат интервью у джазовых музыкантов — это такая скучница! Они ничего хорошего сказать не могут, их ничто не интересует, о себе они скромничают. Не все, конечно, а в основном. Так что надо было бы закрывать передачу. Михаил Боярский — человек, который всю

жизнь поет, имеет отношение к музыке. И я подумал, что он, как интеллигентный человек, должен любить джаз. Но он оказался другим. И что — я должен был с ним спорить, доказывать, что джаз лучше, чем "Beatles"? Боярский — человек критический, понимающий свои плюсы и минусы, мы просто поговорили о том, что близко ему. Я хочу привлечь к джазу больше аудитории, и передача с человеком, который открыто заявляет, что не любит джаз, тоже хороша. Антиреклама ведь тоже реклама. Тут есть конфликт — и это интересно.

— Жалко, что джаз в последнее время оказался в изгой не только у публики, но и у артистов. Причем джаз загнали в угол сами джазмены. Ведь мы, джазисты, порой так заскоружили себя ведем! Например, Долгина оказалась в ужасном положении, ибо наши джазмены упертые учили ее петь, что-то ей говорили, а им доказать что-либо было невозможно, хотя их уровень был несравнимо ниже таланта той же Долгиной. И критику в адрес передачи с Боярским обрушил человек, который когда-то выпускал джазовый журнал (Евгений Долгих, бывший шеф-редактор минского журнала "Джаз-квадрат" — Т.Д.). Этот журнал, между прочим, закончил свое существование, а "Джазофрения" все-таки идет. И лучшей джазовой передачи пока нет.

— Значит, можно вернуть джазу любовь широкой публики?

— Джазовая певица Дайана Кролл, которая в июле приедет в Москву, продала 2 миллиона пластинок. 50 тысяч — диск считается "золотым", 100 тысяч — "платиновым". А она продала 2 миллиона! Пусть это "там". У нас вот Алексей Козлов в прошлом году сделал сольный концерт в "России", и собрал зал. Если пластинка "Prophecy" понравится, мы тоже сделаем большой концерт в "России". Конечно, когда постоянно выступаешь в клубах, удивить зрителя чем-то довольно сложно. Но если у нас получится сделать что-то с Херби Ханкоком и другими звездами — можно будет пригласить артистов и выступить в большом зале. Существуют фестивали "Триумф джаза", "Богема Джаз", "Джаз в саду "Эрмитаж" — и всегда приходит очень много народу. Значит, не все еще потеряно.

— Сегодня джаз — это соединения разной музыки, и что-то новое найти сложно. А в будущем, наверное, в джазе останутся одни индивидуальности, которые будут играть все совершенно по-своему. И чем больше каждый из них будет отличаться от великих мастеров — не только по исполнению, но и по отношению, — тем лучше. Молодые музыканты великолепно знают технологию исполнения и могут сыграть "под Колтрейна" или "под Майлса Дэвиса". Но найти нечто утерянное, что есть у великих мастеров помимо техники, то, что витает где-то, не всегда получается. Но именно в этом утерянном — будущее.

— Нам не хватает джаза. Лев Кушнир сказал бы, что джаз находится в предынфарктном состоянии, но мне кажется, что былой интерес к нему еще вернется. Нам, может быть, еще далеко до "них", но мы на верном пути. И можем стать как минимум вторыми.

Беседу вела
Татьяна ДАВЫДОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ